

Научная статья
УДК 340.124/.125
<https://doi.org/10.24158/tipor.2022.2.10>

Философско-методологические основы и дисциплинарная специфика психологии права

Дмитрий Александрович Савенков

Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,
dmitryasavenkov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2720-919X>

Аннотация. В статье рассматривается проблематика формирования психологии права как самостоятельного направления теоретического правоведения. Психология права понимается не как раздел практической психологии, ориентированный на решение традиционных проблем судебной и пенитенциарной психологии, а как сформировавшаяся и продолжающая развиваться сегодня парадигма интерпретации и практического использования юридико-психологических подходов для разъяснения и анализа проблем философии и теории права. Речь, в частности, идет о переосмыслении вопросов справедливости, переживаемой как чувство, об использовании моделей психологии личности для портретных характеристик того или иного мыслителя и др. Такой подход обусловлен развитием на протяжении последних полутора столетий психологических теорий права как важного направления в истории правовой мысли, задающего основу для более комплексного восприятия специфики и содержания юридико-психологических знаний.

Ключевые слова: психология права, психологические теории права, юридический позитивизм, феноменология, юридическое неокантианство, теория признания права, справедливость, психоаналитическая юриспруденция

Для цитирования: Савенков Д.А. Философско-методологические основы и дисциплинарная специфика психологии права // Теория и практика общественного развития. 2022. № 2. С. 72–76. <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.2.10>.

Original article

Philosophical and methodological foundations and disciplinary specifics of the psychology of law

Dmitry A. Savenkov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
named after V.Ya. Kikot, Moscow, Russia,
dmitryasavenkov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2720-919X>

Abstract. The article deals with the problems of formation of psychology of law as an independent direction of theoretical jurisprudence. The psychology of law is understood not as a branch of practical psychology focused on solving traditional problems of judicial and penitentiary psychology, but as a paradigm of understanding, interpretation and practical use of legal and psychological approaches for explaining and analyzing problems of philosophy of law and theory of law that has been formed and continues to develop today. In particular, we can talk about rethinking the issues of justice experienced as a feeling, about the use of personal psychology models for portrait characteristics of a particular thinker, etc. This approach to the psychology of law is due to the development of psychological theories of law over the past century and a half, which are not only an important direction in the history of legal thought, but also sets the basis for a more comprehensive perception of the specifics and content of legal and psychological knowledge.

Keywords: psychology of law, psychological theories of law, legal positivism, phenomenology, legal neo-Kantianism, theory of recognition of law, justice, psychoanalytic jurisprudence

For citation: Savenkov, D.A. (2022) Philosophical and Methodological Foundations and Disciplinary Specifics of the Psychology of Law. *Theory and Practice of Social Development*. (2), 72–76. Available from: [doi:10.24158/tipor.2022.2.10](https://doi.org/10.24158/tipor.2022.2.10) (In Russian).

Психологические аргументы для обоснования права используются достаточно давно. Уже в середине XIX века в русской литературе появляются сюжеты о психологических проблемах права. А в конце 1870 г., благодаря творческим усилиям П.В. Деларова, была сформулирована теоретически обоснованная психологическая теория права (Деларов, 1878; 1895), значительно

опередившая разработки многих европейских ученых и идеи Л.И. Петражицкого. Сегодня с учетом развития психологии как науки и ее специального научного аппарата легче проследить исторические пути возникновения и эволюции представлений о праве как о психологическом явлении, о роли психологических аспектов и характеристик в процессе выявления, разъяснения и обоснования сущностных, формальных и содержательных аспектов права и правовых явлений. Сама психология – наука довольно молодая и связывать непосредственно возникновение психологических теорий права с ней было бы неверно, хотя это и имеет значение для понимания рассматриваемой проблематики.

По мере развития психологии как области научных знаний происходило укрепление позиций психологических теорий права, но в период их формирования психологизация права была связана с тенденциями другого порядка и характера, которые оказывались сопряженными с теми условиями и предпосылками, что обуславливали возникновение и дисциплинарное становление психологии (Савенков, Горбань, 2019). Аргументы психологической направленности способствовали расширению методологического арсенала юридической науки, позволяли выявить новые закономерности в изучаемом предмете, показать его с другой стороны в качестве явления сознания, но на другой доказательственной основе.

Во второй половине XIX в. возникли условия для трансформации приемов познания права на основе психологических интерпретаций и эвристических возможностей методов, которые либо были психологически ориентированными, либо предполагали аналоговые модели трактовки права и правовых явлений, воспроизводящие представления о социальных явлениях – в данном случае о праве – как имеющих социально-психологическую природу. Во всяком случае, для идентификации специфики психологических теорий права в истории правовой мысли и системе научных и философских знаний, а также для обоснования соответствующими приемами аспектов правовой проблематики необходимо ответить на вопрос о состоянии психологии в период возникновения и утверждения первых психологических теорий права.

Результаты синтеза психологических и правовых знаний в настоящее время занимают определенно одно из главных мест в спектре современных правовых учений, философии и теории права. Причем по-прежнему сохраняется разнообразие в трактовках связи психологии и юриспруденции. Однако можно совершенно определенно отметить, что психологическая или психологически ориентированная аргументация в трактовках права стала почти неотъемлемым атрибутом современного философского и научного мышления, анализирующего вопросы сознания и деятельности человека. А именно такой ракурс современной науки выступает в качестве характеристики эпохи. Например, исследователи в области гносеологии многие вопросы своего профиля сегодня рассматривают в контексте философии и психологии или на контрасте с ними. Очень показательны в этом отношении публикации сборника «Перспективы реализма в современной философии», авторы которых весьма убедительно продемонстрировали, что значительная часть вопросов реализма и антиреализма в современной гносеологии находит ответы с помощью психологических исследований (Перспективы реализма в современной философии ..., 2018).

Г.В. Мальцев писал: «Глубинные истоки всех форм социального регулирования лежат в области человеческой психики. Известное выражение, что всякий беспорядок и разруха в обществе есть прежде всего неустройство в наших головах, вполне оправданно, так же как и то, что любое упорядочивающее движение общества должно быть продумано, прочувствовано, подготовлено в головах и сердцах людей» (Мальцев, 2007: 116).

Следует отметить, что в современной, особенно западной, юридической мысли термин «психология права» вполне отчетливо употребляется в двух значениях: во-первых, как междисциплинарная область знаний, которая традиционно включает в себя прикладные вопросы судебной и пенитенциарной психологии, а во-вторых, как некая парадигма теоретического правоведения, которая претендует на переосмысление вопросов права и справедливости с точки зрения того, что в их основе наиболее существенными признаются психологические закономерности либо они позволяют существенно уточнить содержание имеющихся правовых представлений. Если в XIX в. юристы, не располагая адекватными ресурсами в области психологии как новой области знаний, сами стремились почти изобретать основы психологии, то в последующем психология настолько далеко ушла вперед, что вопрос о трактовке права как психологического явления в настоящее время требует довольно глубоких знаний в области собственно психологии.

Во второй половине XX в., особенно с середины 1980 г., стала формироваться новая установка на изучение права, когда вопросы задает юрист, а отвечает на них психолог. Они касаются уже не только аспектов вины, психических патологий, релевантных для уголовного права, исправления и т.п., но и общих положений о психологии юридической ответственности, психологии правового чувства, психологии справедливости, психологии повинения праву, психологии правового суждения и многих других. Еще Л.И. Петражицкий уверял всех, что правильная философия

права или «научная теория права» может строиться исключительно на психологической основе (Петражицкий, 1908). Надо сказать, что в его трудах употреблялось также название «психология права» (Петражицкий, 1908).

Р. Якоб, анализируя истоки психологии права и определяя водораздел ссылками на высказывания Ш. Монтескье о влиянии на право не только рациональных закономерностей, пишет, что уже в конце XVIII в. появилось адекватное представление о том, что следует понимать под правом и справедливостью, – ответ на этот вопрос был получен благодаря той дисциплине, которая впоследствии стала называться психологией права (Jakob, Reh binder, 1987: 11–12). Правда, Р. Якоб отмечает, что психология права находится в стадии своего становления. С этим определённно можно согласиться, однако нужно заметить, что известный правовед, тем не менее, допускает ошибку, пытаясь отыскать чёткую и последовательную тенденцию развития психологии права. Он, в частности, ссылается на теории Л.И. Петражицкого (Петражицкий, 1909), Э.Р. Бирлинга (Bierling, 1877; 1883), отмечая, что они подчеркивали невозможность адекватной трактовки права без учета его психологического фундамента. Но при этом сам Якоб не находит прямого продолжения развития теорий указанных авторов. Такой подход методологически ошибочен. Простой пример показывает, что вопросы психологической интерпретации права нередко настолько глубоко проникли в ткань юридических концепций, что воспринимаются часто как нечто само собой разумеющееся. Так, английский философ права Г. Харт среди прочих своих основных позиций выделял идею признания или точнее правило признания (Hart, 2012). Оно означало, что наряду с приказным характером действия права не менее важной его характеристикой является отсылка к тому, что признается правом.

По существу, правовая система имеет открытую структуру: часть – это приказные нормы, а часть – те нормы, которые прежде всего государственными чиновниками и судом признаются фактически правом. Существует много исследований, которые отыскивают истоки этих взглядов в различных философских концепциях – например, в позитивизме, лингвистической философии. Но за этим остается как будто бы незамеченным не менее важный аспект. Идея признания – это психологическая тема. Автором психологической теории права, построенной на идее признания, был Р. Бирлинг. Если, как утверждал Г. Харт, правом (частью права) является то, что тем или иным способом признается как право, а тем более если речь идет о признании того, что официально объявляется правом или используется в качестве него (реальное правило, закрепленное в сознании и отражаемое в поведении субъектов), что снова возвращает к изначально социолого-правовой теме «живого права» (в дальнейшем проявляется другая особенность: раз право – это психологический феномен или явление, то «живое право» означает его существование в психологической форме; эту же модель можно обнаружить и у феноменологов – в логике, и юристов-лингвистов – в текстуально-языковой области, но каждому направлению непременно хотелось развить собственный образ «живого права» (а не просто технического инструмента!) как реального феномена для их философско-методологической парадигмы), то не может быть никаких сомнений в том, какое значение придается английским ученым вопросам психологии или, точнее, психологической интерпретации права. Важно не то, какими средствами – языковыми, знаковыми, бихевиористическими или какими-то другими – будет осуществляться признание (интерпретироваться фактическое), а то, что правом является то, что признается таковым. Еще в 1870 г. Р. Бирлинг писал о том, что право — это «взаимное признание норм, регулирующих общественную жизнь», а «взаимное признание — это «постоянная, привычная процедура в психологическом смысле». Нормы применяются до тех пор, пока вы осознаете их (Деларов, 1878).

Однако не следует забывать, что в XIX в. представители естественных наук тоже имели самостоятельный интерес к праву как продукту человеческой культуры и также превратили его в предмет психологических исследований. Так, У. Вундт, которого многие считают основоположником научной психологии, отметил, что, хотя правоведение нигде не может уйти от психологической мотивации, оно, тем не менее, регулярно отдает приоритет другим аспектам интерпретации. Сам он в своей работе по народной психологии выделяет отдельный том для психологического объяснения феномена права (Wundt, 1900). Психиатр З. Корнфельд, в свою очередь, посвятил обширную работу психологии правового чувства и исследовал ее значение с точки зрения истории философии права (Kornfeld, 1919).

Однако растущее значение неокантианства и научного правового позитивизма (в немецкой литературе традиционно выделяется научный юридический позитивизм и легизм, а в российской традиции словосочетание «юридический позитивизм» часто употребляется в отрыве от его философской части, как юридическая концепция отождествления права и закона (Нерсисянц, 1983)) с требуемым ими строгим разделением сущего и должного в результате привело к развитию психологически ориентированного правового мышления. Также школа так называемого «свободного права», которая боролась с понятийной юриспруденцией, заменив юридическую логику социоло-

гическими и психологическими аргументами, не смогла помочь психологии права совершить широкий прорыв. В то же время ей следует отдать должное за признание значения социальных факторов на процесс принятия решений судьями, что имело весьма существенное методологическое и социально-практическое значение. Это движение было теоретически слабым, но его практическая методология признавалась многими.

С окончанием Второй мировой войны юридический натурализм оказался в худшем положении. Это касалось не только его социологического, но и психологического направления, хотя именно его представители особенно пострадали от действий национал-социалистического режима.

Совершенно необоснованными выглядят при этом оценки, даваемые Якобом причинам возобновления интереса к психологическим исследованиям. По его мнению, это было связано с так называемой «критической юриспруденцией», которая во второй половине 1960-х годов активизировала психологически-ориентированное мышление в праве. По мнению исследователя, истоки этого процесса следует искать в американском критическом психологическом реализме (Jakob, Rehbinder, 1987). Этот фактор тоже имел значение. Однако он не был решающим. Интерес к реальным аргументам в юридической мысли обычно активизируется в связи с явным расхождением концептуализма и формализма с конкретными социально-практическими нуждами. Необходимость перемен в указанный период была совершенно очевидна. Что же касается теоретической и методологической составляющей, то значительная часть ее была уже подготовлена в психологических теориях второй половины XIX – первой половины XX в., поэтому это, скорее, был повод вернуться к прерванному процессу.

Заметным событием, заставившим по-новому взглянуть на возможность построения юридической науки на началах психологии, было издание «Психоаналитической юриспруденции» австрийского ученого, который эмигрировал в США, – А. Эренцвейга (Ehrenzweig, 1971). Первоначально книга была выпущена на английском языке, а позднее, в 1973 году, – на немецком, в Берлине. Ее значение не в последнюю очередь проявляется в степени ее противоречивости. Переформатировать абстрактное мышление европейцев на приемы прагматически-психологического анализа, характерного для американской юридической культуры, было весьма непросто.

В целом, анализируя эволюцию психологии права как некоторой попытки обоснования теоретического правоведения на началах психологии, а точнее философско-правовой концепции психологии, можно сказать, что понятие «психология права» стало употребляться в смысле «изучения справедливости и ее реализации как психических явлений» (Redmount, 1973: 80). Вместе с тем так называемый психологический, или бихевиористический, анализ отнюдь не исчерпывает повестки психологических теорий права и психологии права как парадигмы правоведения. Европейские исследователи, в отличие от американских, полагают, что специфика такого восприятия психологии права как своего рода науки о праве требует учитывать в соответствующей интерпретации справедливости не только ее чувственные, но и идейные аспекты. Соответственно, в этом контексте психологию права можно будет отнести к тем философско-правовым течениям, которые ищут эмпирического приближения к идее справедливости в широком смысле.

Список источников:

- Деларов П. Очерк истории личности в древнеримском гражданском праве. Историко-юридический опыт. СПб., 1895. 170 с.
Деларов П. Очерки по энциклопедии права. СПб., 1878. 548 с.
Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2007. 800 с.
Нерсесянц В.С. Право и закон: из истории правовых учений. М., 1983. 366 с.
Перспективы реализма в современной философии : сборник трудов / под ред. В.А. Лекторского. М., 2018. 463 с.
Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. СПб., 1908. 271 с.
Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1909. 768 с.
Савенков А.Н., Горбань В.С. Современная психология права и правовые воззрения Л.И. Петражицкого // Психологический журнал. 2019. Т. 40, № 3. С. 89–98. <https://doi.org/10.31857/S020595920004602-8>
Bierling E.R. Zur Kritik der juristischen Grundbegriffe. Teil 1. Gotha, 1877. 172 s. (на нем. яз.)
Bierling E.R. Zur Kritik der juristischen Grundbegriffe. Teil 2. Gotha, 1883. 364 s. (на нем. яз.)
Ehrenzweig A. Psychoanalytic Jurisprudence: on Ethics, Aesthetics and «Law», on Crime, Tort and Procedure. Leiden, 1971. 395 p.
Hart H.L.A. The Concept of Law. Oxford, 2012. 333 p.
Jakob R., Rehbinder M. Beiträge zur Rechtspsychologie. Berlin, 1987. 232 s. (на нем. яз.)
Kornfeld S. Das Rechtsgefühl // Zeitschrift für Rechtsphilosophie in Lehre und Praxis. Leipzig, 1919. S. 28–100.
Redmount R. Law as a Psychological Phenomenon // American Journal of Jurisprudence. 1973. Vol. 18, iss. 1. P. 80–104.
Wundt W. Völkerpsychologie : eine Untersuchung der Entwicklungsgesetze von Sprache, Mythos und Sitte. Teil 2. Leipzig, 1900. 644 s. (на нем. яз.)

References:

- Bierling, E. R. (1877) Zur Kritik der juristischen Grundbegriffe. Vol. 1. Gotha. 172 p. (in Deutsch)
Bierling, E. R. (1883) Zur Kritik der juristischen Grundbegriffe. Vol. 2. Gotha. 364 p. (in Deutsch)
Delarov, P. (1878) *Ocherki po entsiklopedii prava* [Essays on the Encyclopedia of Law]. Saint-Petersburg. 548 p. (in Russian).

- Delarov, P. (1895) *Ocherk istorii lichnosti v drevnerimskom grazhdanskom prave. Istoriko-yuridicheskii opyt* [Essay on History of Personality in Ancient Roman Civil Law. Historical and Legal Experience]. Saint-Petersburg. 170 p. (in Russian).
- Ehrenzweig, A. (1971) Psychoanalytic Jurisprudence: on Ethics, Aesthetics and «Law», on Crime, Tort and Procedure. Leiden. 395 p.
- Hart, H. L. A. (2012) *The Concept of Law*. Oxford. 333 p.
- Jakob, R. & Rehlinger, M. (1987) Beiträge zur Rechtspsychologie. Berlin. 232 p. (in Deutsch)
- Komfeld, S. (2019) Das Rechtsgefühl. In: *Zeitschrift für Rechtsphilosophie in Lehre und Praxis*. Leipzig, pp. 28–100. (in Deutsch)
- Lektorskii, V. A. (ed.) (2018) *Perspektivy realizma v sovremennoi filosofii : sbornik trudov* [Perspectives of Realism in Modern Philosophy: Collection of Works]. Moscow. 463 p. (in Russian).
- Mal'tsev, G. V. (2007) *Sotsial'nye osnovaniya prava* [Social Foundations of Law]. Moscow. 800 p. (in Russian).
- Nersesyants, V. S. (1983) *Pravo i zakon: iz istorii pravovykh uchenii* [Law and the Legislation: from History of Legal Doctrines]. Moscow. 366 p. (in Russian).
- Petrzhitskii, L. I. (1908) *Vvedenie v izuchenie prava i npravstvennosti. Osnovy emotsional'noi psikhologii* [Introduction to the Study of Law and Morality. Fundamentals of Emotional Psychology]. Saint-Petersburg. 271 p. (in Russian).
- Petrzhitskii, L. I. (1909) *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriei npravstvennosti* [The Theory of Law and State in Connection with the Theory of Morality]. Saint-Petersburg. 768 p. (in Russian).
- Redmount, R. (1973) Law as a Psychological Phenomenon. *American Journal of Jurisprudence*. 18 (1), 80–104.
- Savenkov, A. N. & Gorban, V. S. (2019) Modern Psychology of Law and Legal Beliefs of L. I. Petrazhitskij. *Psikhologicheskii zhurnal*. 40 (3), 89–98. Available from: <https://doi.org/10.31857/S020595920004602-8> (in Russian).
- Wundt, W. (1900) *Völkerpsychologie : eine Untersuchung der Entwicklungsgesetze von Sprache, Mythos und Sitte. Teil 2*. Leipzig. 644 s. (in Deutsch)

Информация об авторе

Д.А. Савенков – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1126123.

Information about the author

D.A. Savenkov – PhD in Law, Associate Professor, Department of Theory of State and Law of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot, Moscow, Russia

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1126123.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 21.12.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 10.01.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 01.02.2022.